

МОГИЛА С МОИМ ИМЕНЕМ

В. Филатов

В Филатов

Могила с моим именем

<https://litres.ru/74063951>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мне позвонили с неизвестного номера и пригласили на конференцию, посвящённую паранормальным явлениям. Среди странных докладов и сомнительных сенсаций один человек показал фотографию древней могильной плиты. На ней были выбиты моё имя, моя фамилия и дата рождения.

Любопытство оказалось сильнее здравого смысла.

Поездка к месту находки закончилась ударом молнии, а очнулся я уже в другом времени. Здесь нет электричества, автомобилей и мобильной связи. Есть только бедная деревня, волки в лесах, набег кочевников и люди, для которых железный нож — настоящая ценность.

Чтобы выжить, придётся строить дом, добывать еду, заново создавать привычные вещи и постепенно становиться своим среди чужих.

Но главная загадка никуда не исчезла.

Почему на древней могиле было выбито моё имя? Кто ещё проходил через странный холм, куда бьют молнии? И что скрывается за исчезновениями людей, которых здесь предпочитают не вспоминать?

В Филатов

Могила с моим именем

Мне позвонили с неизвестного номера, представились Алефтиной Ивановной и пригласили на весьма любопытную конференцию, посвящённую паранормальным силам. Проходила она в соседнем городке, в огромном зале с советским антуражем. Делегаты выглядели по-разному: часть словно кричала своим видом «посмотрите на меня, я особенный», другая же была одета строго, академически, подчёркивая свою принадлежность к науке.

По мере выступлений участники заявляли сенсации, громкие открытия, «перевороты в науке», но их доказательная база была крайне слабой. Рассказывали о пропаже людей в северных спиральных лабиринтах, о привидениях в уральских горах, о некой организации, что якобы вербует солдат для войны с демонами — всё это сопровождалось множеством изображений, слабо относящихся к делу. Никто не воспринимал происходящее всерьёз: все понимали, что это скорее «своя тусовка», где люди просто развлекаются.

Среди участников я встретил одного из тех, кто меня и пригласил. Это был невысокий, плотный, слегка толстеющий мужчина, уже начинающий лысеть. Одет он был в поношенный джинсовый костюм. Представился Сергеем Николаевичем.

Он показал мне фотографию могильной плиты — на ней были выгравированы моё имя, фамилия и год рождения: «1977, 12, хмельник». А вот год смерти стоял странный — старого образца, того самого, что использовался до реформ Петра I: «5502, 06 серпень». Надпись выполнена на архаичном славянском языке. Вокруг плиты не было других захоронений — будто человека похоронили отдельно.

По словам Сергея Николаевича, тело нашли в местной одежде, но под ней — кольчуга, предположительно VI–XII веков. Возле нас остановились ещё несколько человек, прислушиваясь к разговору.

Интересная фальсификация, — подумал я. Но вслух спросил:

— Тот человек... он правда прожил более трёх тысяч лет?

Окружающие засмеялись, выкрикивая шуточные комментарии: «А рядом случайно снежный человек не лежал?», «А под кольчугой у него космический скафандр был?»

Сергей Николаевич не смутился. Он начал очень живо приводить аргументы, факты и предложил всем скептикам лично посетить это захоронение. А мне он в запале пообещал оплатить дорогу и проживание — взамен попросил поучаствовать в паре экспериментов и пройти «проверку на идентичность». Что это за проверка, он пообещал объяснить на месте.

Мы не успели продолжить — прозвенел звонок, антракт закончился, и пришлось возвращаться в зал.

Когда в заказах выдался перерыв, я решил всё-таки поехать: дорогу оплатили, да и любопытно было. Работал я тогда фрилансером: занимался художественной ковкой, реконструкцией древнего оружия и украшений, изготовлением копий мечей, кольчуг, шлемов. Всё это пользовалось спросом. Ещё я несколько раз был на сборах реконструкторов и толкиенистов, нужно было оценить, как используют мое оружие и доспехи, и чтобы выставить баланс между достоверностью и удобством. А люди там встречаются разные. Поэтому, когда мне показали плиту с моим именем, стало интересно — кто так пошутил? Подозревал кого-то из знакомых реконструкторов. Таких шутников всегда хватает.

К тому же на Украине подобное устроить несложно — найти «свидетелей», заказать плиту, всё это недорого. С такими мыслями я и отправился в путь. Решил совместить поездку: сначала туда, потом — на Чёрное море, в Болгарию. Все же не так часто оплачивают дорогу и гостиницу, мелочь, а приятно.

На вокзале меня с плакатом встретили худой парень в очках, назвавшийся Славой, одетого в белую рубашку и джинсы и такая же худая девушка Лена, одетая в почти бесцветное платье, оба говорили с лёгким украинским акцентом. Они проводили меня до гостиницы — которая оказалась старым пыльным трехэтажным зданием.

В гостиничном номере выяснилось, что главные организаторы... пропали. Куда уехали — никто не знал. После рас-

спросов стало понятно, что они отправились то ли в горы, в Карпаты, то ли в пещеры, ближе к Молдавии. Вернуться вовремя не смогли.

Однако Слава нашёл человека, готового показать мне то самое место. Он сказал, что тот будет ждать у входа в гостиницу в синей «Ниве».

Я оставил документы и деньги в сейфе, взял перочинный нож, бутерброды и флягу, сложил всё в рюкзак и спустился к выходу.

В синей «Ниве» сидел коротко стриженный, чернявый, вертлявый мужчина, одетый не по погоде — в кожаную куртку. Дорога была пыльная и ухабистая, вилась между белёных хат и зелёных полей. Водитель молчал и о чём-то напряжённо думал.

Когда приехали, оказалось, что камня уже нет — его вывезли вместе с костями и прочими находками. Осталась лишь яма от раскопа.

Сказал, что нашли лёгкий меч, относящийся внешне к XVII–XVIII векам. Это меня удивило: в это время такие мечи уже не использовались — доспехи были в прошлом. Проводник лишь развёл руками и решил показать необычный холм, который считался «местом силы». Мол, там было древнее капище, куда часто бьют молнии.

Небо хмурилось, начинался дождь — самое время для мистики. Я решил подняться. Предупредил проводника — он назвался Романом, — сказал, что пойду осмотрю холм. Ро-

ман устало ответил:

— Далеко не ходите. Если стемнеет — искать не буду. Там ниже лагерь. Если что — переночуете. Еды хватит.

Он всё же дал номер телефона.

Я немного отошёл к холму, оглянулся и увидел, как Роман достал складной металлодетектор и начал что-то искать. Подходя к холму, я снова оглянулся и заметил фиолетовый огонёк. Похоже, это был ультрафиолетовый фонарик. Возник вопрос: что именно ищет Роман? Ситуация показалась довольно странной.

Я поднялся на холм. В камнях угадывались ровные выемки — скорее всего, старинная каменоломня, а не святилище. Осмотрелся, поставил будильник на двадцать минут.

Минут через десять пошёл дождик. Вспыхнула молния, секунда, другая — и вдруг раздался мощный удар грома. Всё вокруг озарилось светом: по периметру холма возник призрачный контур, сверху — прозрачный купол. Земля вздрогнула, меня отбросило воздушной волной.

Очнулся я на холодном камне. Рука затекла, голова гудела — была шишка, видимо ударился при падении. Продрог, лёжа на холодном камне. На горизонте розовела заря — то ли поздний вечер, то ли раннее утро. Немного посидел, приходя в себя. Подумал, что очнулся в довольно странном месте, потом все вспомнил. Удивительно, а ведь молния ударила совсем рядом. Посмотрел на часы на телефоне — шесть утра. Сети нет. И естественно, нет ни машины, ни проводника. А

там, где стояла «Нива» разрослись кусты. И вокруг многое изменилось: камни немного сместились, лес выглядел иначе, появились деревья, которых раньше точно не было. Перекусил бутербродами, потом решил спуститься в лагерь.

Но вместо лагеря увидел небольшое поселение: частокол, ворота. Постучал. Вышли бородатые мужчины в полотняных одеждах, босые, со следами грубой починки, у некоторых настолько многочисленными заплатами, то неясно каким был первоначальный цвет.

Говорили они на языке, похожем на древнерусский. Я пытался объясняться — поняли лишь, что я пришёл «с запада». Меня провели через деревню.

Это было десятка четыре изб, грязь, а ещё дети — многие босиком, некоторые малыши совсем без одежды, и их огромное количество, нигде столько не видел. Женщины в длинных латаных платьях, в платках, глаза опускали при взгляде на них, некоторые старались спрятаться, скрыться. Мужчины — бородатые, в простых, чаще латаных рубахах. Козы, овцы, свиньи, собаки, дым, навоз.

Я понял простое: я не там. Или не тогда.

Рост мой почти два метра, а местные — метр шестьдесят, максимум семьдесят. Они смотрели на меня как на богатыря. Так подумал, потому что у многих в глазах я увидел страх.

Сопровождающие довели до ворот и открыли их. Дети выбежали с удочками, побежали куда-то на право, мужики с де-

ревянными лопатами отправились в сторону реки, женщины с узелками — в поля. По понятным рассказам сопровождающих: Коровы — всего три, и тех не выпускают: волки задирают. Лошадей нет — «князь увёл в поход».

Живут бедно. Вели как под конвоем трое копейщиков. Двое болтали без умолку, со мной, друг с другом и кажется даже сами с собой. Третий же только поглядывал.

Меня проводили к лугу возле реки, где стоял старый фундамент. Ранее молчавший третий сказал:

— У себя мы тебя поселить не можем. Тебя никто не знает, одет ты странно, и говоришь почти непонятно. Если хочешь, можешь остановиться здесь, все равно это место никому не нужно. Ну а в село тебе лучше не заходить.

И ушли.

Странное гостеприимство. И очень странная гостиница. Наверное, чувствуют мою чужеродности. Или одежда цвета хаки что на мне им что-то напоминает. А может их смущает бейсболка или рюкзак с наклейками? Наверное, если отпустить бороду, то я перестану выделяться.

Я огляделся: небольшая старая отмель ниже долины, река делала поворот, а рядом с ней возвышался каменистый, заросший редким лесом холм. Недалеко каменная осыпь, фундамент прикрывает каменюка, целая скала, но она метрах в тридцати-сорока выше на холме. Река метров в тридцать шириной, на той стороне тоже лес.

Сел на фундамент, обдумывая ситуацию. Мысли прервал

шорох: со стороны деревни шла девчушка.

Лет двенадцати, худенькая, в латаной одежде, но в чистом, разноцветном платке. Из-под платка выбивалась непокорная светло-рыжая чёлка. В руках — узелок.

Подошла, поставила узелок на камень рядом со мной, но сама села не рядом, а на корточки, шагах в двух. Поставила узелок и сказала:

— Это тебе.

И смотрит. Не на лицо — на руки. На нож на поясе. На флягу. На рюкзак с наклейками. Глаза бегают по каждой странности, как у кошки, которая впервые познакомилась со стеклом.

Я развязал узелок — ломоть тёмно-серого пористого хлеба, ещё тёплый.

— Спасибо, — сказал я. — Как тебя зовут?

— Милана.

Она всё смотрела на нож. Я отрезал кусок хлеба, положил в рот. Жую. Она молчит, но видно — не терпится спросить.

— Что? — говорю.

— А это... — она кивнула на нож. — Это из железа?

— Из железа.

— У нас таких нет, — сказала она просто. — У нас один на десять дворов, и тот старый, сточенный. Дядька Яков точит, у него камень есть специально для этого.

Она выговорила это слово — "специально" — с трудом, будто первый раз в жизни произнесла.

— А это чего? — она показала на флягу.

— Вода.

— Из чего сделано?

— Из металла. Из железа тоже.

Она покачала головой. Не с недоверием — с удивлением. Как будто я с Луны свалился, показываю чудеса, а она пытается понять, врут ей глаза или нет.

Помолчали. Я доедал хлеб.

— А правда, — спросила она вдруг, — что у вас там, на западе, все такие? С железом?

Я чуть не поперхнулся.

— Какие — "такие"?

— Ну... — она повела рукой, пытаюсь изобразить то ли мой рост, то ли рюкзак, то ли всё сразу. — Странные.

— Не все, — сказал я. — Я, наверное, самый странный.

Она улыбнулась. Впервые. Щербинка между передними зубами, глаза сразу теплее стали.

— А я думала, вы все такие. Богатыри. Дядька Яков говорил, что на западе люди в железо закованные ходят и мечи у них по полтора мужика длиной.

Я представил себе полуторамужиковый меч и не удержался — засмеялся.

Она обиделась. Отвернулась, встала.

— Ты чего?

— Смеёшься. А я правду говорю. Дядька Яков в молодости с купцами ходил, он знает.

— Я не над тобой, — сказал я. — Просто... ну, длинный меч — это хорошо. Но полтора мужика — это перебор.

Она снова посмотрела на меня — уже без обиды, с прежним любопытством.

— А у тебя меч есть?

— Нет. Пока нет. Может позже сделаю.

— Из этого железа? — она кивнула на нож.

— Из другого, этого здесь не встретишь.

Она задумалась. Смотрела куда-то в сторону, на реку, но я видел — она не реку видит. Она видит что-то своё. Может, меч. Может, другую жизнь.

Потом встала, отряхнула подол.

— Пойду я. Меня бабка заругает, если долго не буду.

Сделала шаг, остановилась. Обернулась.

— Ты это... если что надо — спрашивай. Я всё про всех знаю. — И добавила тише: — А дядька Яков — он врун, конечно. Но про мечи, может, и не врёт. Мало ли.

И ушла, не оглядываясь. Чёлка рыжая подпрыгивает на ходу.

Девчонка ушла, а я так и остался сидеть на камне.

А ведь дома меня ждут заказы. Знакомые. Родня. Пусть даже дальняя.

Да и друзей хватает.

Там переписка, новости, мессенджеры. Каждый день что-то происходит. Люди пишут, звонят, спорят, смеются. А всё это сейчас где-то там.

А я здесь.

Среди грязи, дыма и этого бесконечного деревенского быта.

— Нет, так не бывает, — пробормотал я.

Потом поднялся.

Ладно. Чуть позже ещё раз схожу на холм.

Может, просто не там искал.

Может, нужно какой-нибудь камень повернуть. Или наступить на нужную плиту. Или нажать на что-нибудь.

Должен же быть способ.

Всё равно попаду домой.

Рано или поздно попаду.

Я остался один. Доел хлеб. Запил водой. И подумал: странная девчонка. В глазах — не страх, а жадность. Как будто ей всю жизнь недодавали впечатлений, и теперь она ловит каждую мелочь. Ещё подумал, местные „воины” боятся выпускать коров, так как тех съедят волки. Но не побоялись отпустить мелкую девчонку, от нее что же, волки отвернутся? Слишком худая, приходи позже? Или она безумно смелая, или эти рассказы сильно преувеличивают угрозу. А ещё вспомнил детишек с удочками, те вышли из деревни тоже без проблем.

После ухода Миланы я решил вернуться к странному холму, и внимательно его осмотреть. Прошёл мимо села, встретились пара мужчин с луками, в колчанах по пять - шесть стрел, шли в сторону реки, на меня посмотрели с интересом,

но ничего не сказали. Ещё увидел людей в поле, но те были слишком заняты. Подошёл к холму, весь покрыт крупными камнями, решил осмотреть место, где проснулся. Ни рун, ни знаков, только несколько характерных пятен от попадания молнии. И ещё странно что нет травы. Нет, назад таким способом не вернутся. Остаётся строить временное жильё, добывать еду и разбираться, что происходит. Вернулся к реке.

Фундамент был старый, камни потрескавшиеся, но стояли ровно. Решил: сначала укрытие, потом если это не шутка или розыгрыш возможно придется строить нормальный дом.

Наломал гибких веток, соорудил простой шалаш внутри фундамента. Рыбу ловил примитивными ловушками — корзины, опущенные в воду. Уже к вечеру попалась одна рыбина и несколько раков. Жарил на плоском камне у костра. Костер после готовки тушил водой, древесный уголь, возможно после пригодится.

Ночью было тревожно: где-то ухали птицы, хрустели ветки, слышался плеск в реке. Каждые полчаса подбрасывал хворост в огонь.

Понимал: так жить нельзя. Надо хоть немного обустроиться.

Следующие три дня я обследовал окрестности. Ходил вдоль реки вверх и вниз, поднимался на склон, исследовал тропы зверей. Нашёл глину — несколько разных видов, песчаную отмель, осмотрел каменную осыпь. Из куртки сплёл несколько силков — ставил по звериным тропам.

Видел на отмели много следов кабанов, волков и даже медведей поэтому решил, что нужно обзавестись более тяжёлым оружием чем нож, сделал простой лук из ореха, стрелы из ивы с острыми каменными наконечниками, легкое копье. Теперь шансы на выживание немного подросли.

В тот же день попался подсвинок — запутался в силке, поставленном на зайца. Только с пятого удара копьём удалось добить его. После этого я решил: без лука больше не ходить.

Мясом поделился. Когда Милана очередной раз пришла с хлебом, я отдал ей голову, требуху и ногу, попросил передать в деревню. Она всплеснула руками — то ли от удивления, то ли от радости — и убежала, согнувшись под тяжестью подарка.

Пришлось сделать коптильню: выкопал длинную яму, обложил камнями, сделал кривоватую, дымовую трубу. Коптил мясо и рыбу без соли — другого выхода не было. И не такое съем.

Затем занялся строительством. Начал вытаскивать камни, которые скатились со склона. Делал простую лебёдку — жердь, вокруг которой наматывал верёвку из липовой коры. Лебёдка очень хорошее приспособление. Если не считать огромного минуса. Огромный камень, который я никогда бы не смог не то что поднять, но и сдвинуть, двигался, но метр за час. Это абсолютно никуда не годится. Огромный, тяжёлый камень, но всего метр.

Готовил фундамент для забора: по кругу из крупных кам-

ней и деревянных жердей.

В силки попадались зайцы — два-три в день. Рыбы в ловушках было по два-пять килограммов ежедневно. Излишки коптил.

Через пару дней Милана принесла больше хлеба и похлёбку из гороха. Я поделился копчёным мясом и рыбой.

С любопытством наблюдал, как девчонка буквально пожирает копчёную рыбу. Заметила мои взгляды и попыталась объяснить:

— Я рыбу люблю, но её всегда мало: рыбаки есть, а на всех не хватает. А у тебя — просто отличная, такой я ещё не ела. Жаль... Ни съесть больше, ни с собой взять нельзя.

За это время дважды была гроза. Я с большими надеждами, бежал на холм, надеясь повторить переход. Но молнии били куда угодно, только не в «то самое место». Возвращался мокрый, злой и усталый.

Решил узнать о холме больше.

Милана рассказала про холм:

— Туда нельзя ходить. Плохое место. Мы там бывали, когда маленькие были. Нас пороли... крапивой.

Она поморщилась, трогая поясницу и ниже.

Потом пояснила:

— Мы слышали, что на холме иногда появляется свечение, а порой и призраков видно. В детстве бегали туда смотреть, иногда подбирали блестящие камешки после молний. А потом взрослые нас поймали — и всех пятерых отходили

крапивой.

— Почему у вас так мало охотников? Здесь же полно зверья, — спросил я.

— Место нечистое, — ответила она. — И кочевники бьются. Иногда... пропадают люди. А вот эти камни, то есть фундамент очень старый и всегда здесь был. А охотники пропадают очень часто, редко кости хоть кого-то находят.

Позже она добавила:

— Два раза пытались селиться у этого холма, оба раза люди исчезали.

Это меня насторожило. И все равно, много странностей.

Забор постепенно вырос до полутора метров. Два входа: большой — со стороны реки, маленькая калитка — со стороны деревни. Сделал ворота из жердей — деревянные петли, деревянный запор.

Я занялся кирпичами. Глина была хорошая. Ножом вырезал формы на десять кирпичей каждая — сначала одну, потом две. За день выходило до шести десятков сырых кирпичей. Сушил их под плетёным навесом.

Иногда видел, как мелькал кто-то из охотников, приглядывали.

Сложил печь для обжига: яма, сверху плоские камни, отверстия для подачи угля и воздуха. Разжёл. Первый обжиг вышел неудачным: половина кирпичей недопеклась, часть треснула, часть поплыла. Но это ведь первый раз, раньше знал только теорию.

Подумал, что кирпичи — это хорошо, но построю дом скорее всего деревянный.

Достроил стену в высоту три метра, внутри старый фундамент, место под дом и сарай. Топор сделал каменный, запасные лезвия лежат под ногами только нужно слегка обработать. Заготовил бревна. Большую часть скатывал с уклона, через забор перекачивал с помощью двух жердей. Так как забор стоит возле склона, то бревна ставятся с небольшим уклоном в сторону дома. И они сами катятся, и даже укладываются. Меньшую с помощью лебедки притянул от реки, но не понравилось, медленно и тяжело.

Чтобы поставить сруб, пришлось просить помощь у деревенских. Девчонка давно поглядывала на копящиеся бревна, сказал ей что нужна помощь, она ответила, что придут пятеро работников, но кормить придется мне. Так и получилось, с утра пришло пятеро мужиков с инструментом.

— А ведь ты забор почти два месяца строил, частокол возвести получилось бы быстрее.

— Не уверен, эти то бревна заготовил и половину склона вырезал, а на частокол пришлось бы с низу тянуть. Одному тяжело. И поджечь частокол легко, а каменный забор не горит.

— Это так, но ты мог попросить помощь.

— А два месяца назад вы на помощь мне пришли бы?

— Нет, кто тебя знал, что ты за человек. Ты ведь даже без бороды был.

Такой вот экспертный разбор моего забора.

Командовал мужичек, лет сорока. Сразу понял, что бригада сбитая и что делать они знают. Рассказал, что двери будут со стороны реки, а вот окна небольшие и в круговую. За первый день укрепили, разровняли фундамент, и подняли сруб по грудь. Кормил копчёным мясом и рыбой, что им очень понравилось, по паре рыбин дал с собой, они принесли немного хлеба и репу. Подняли сруб на два с половиной метра, ушло на это пять дней.

Местные строители удивлялись, зачем так высоко? Но строили.

У них дома намного ниже.

— Намедни медведь охотников подрал, еле убрались.

— А намедни жена репу приготовила — есть невозможно, поколотил.

— А намедни золовка такой хлеб спекла, что за уши не оторвёшь.

— А намедни двое подрались, кожевник и охотник, и всё село смотрело, как они морды друг другу бьют.

Вот такие разговоры. Из разговоров с работниками понял, что сытно живут летом и осенью, зимой и весной иногда голодают, вспоминают как сытные, так и голодные годы, иногда вспоминают князя, иногда ругают кочевников, но больше разговоры о еде. У их старшего восемь детей, и ещё трое померли. Рассказывает о смертях с сожалением и фатализмом. И действительно, в наше время медицину поругать можно,

производителей еды и лекарств, правительство, начальство, а в его случае ругать ему некого. Он сам глава семьи, и что он может сделать? Ну случилось, так боги решили и все на этом.

И не нужно никакого психоанализа.

Постоянно, постоянно вспоминают богов, иногда это звучит как присказка. Молодые же больше молчат и слушают. Я вспомнил какая у них в селе антисанитария и тоже промолчал. Пытались меня расспрашивать откуда я, кто я, но отвечал им коротко, без подробностей, но и не врал, больше не договаривал. Ну как я объясню, что я из возможного будущего?

Часть бревен забраковали, отложили в сторону, в двух нашли жучков, одно же бревно просто не понравилось, сказали, что кривое, пришлось при них подниматься на склон и три бревна с холма скатывать.

Смотрели с круглыми глазами как с грохотом, с пылью, бревно останавливается в двух шагах от сруба, до этого с шумом прокатывались по склону холма и по бревнам, что лежат на заборе. Приноровился, не первые мои бревна. По итогу после завершения старшему дал кусок свиного окорока, другим по копченому зайцу. Ушли довольные. Комната одна, посреди место под печь. Крышу доделывал сам, делал из жердей, дранки и коры, скрепляя смолой и деревянными шипами. Понимал, что ненадолго — хотя бы до зимы. Потом можно будет сделать черепицу, если жерди выдержат её вес.

Ночью пошёл ливень — не дождик, а настоящий, со шквальным ветром, какие здесь бывают перед сменой погоды. Я проснулся от того, что капало на лицо. Сначала подумал — мелочь, потерплю до утра. Потом капать стало в трёх местах сразу, а через минуту с потолка потекло уже не каплями, а струйкой.

Вскочил, начал двигать вещи — мешок с копчёной рыбой, инструменты, спасал то, что боялось воды. И тут услышал треск. Не громкий — такой, какой бывает, когда дерево гнётся, но ещё не ломается. Поднял голову: одна из жердей провисла дугой, а в месте излома было видно — сердцевина тёмная, труха. Когда собирал жерди в лесу, второпях, не обстукивал каждую, не проверял на звук — брал, что под руку попадалось, лишь бы прямые да не слишком тонкие. Вот и аукнулось.

Не думал — рванул в сторону, к стене. Доля секунды — и кусок крыши над тем местом, где я только что стоял, осел вниз с глухим ударом, подняв пыль и труху. Жердь, что треснула первой, легла наклонно, упёршись в пол там, где раньше была моя голова.

Я сидел у стены, мокрый, оглушённый, и слушал, как остальная крыша всё ещё трещит, но держится — пока держится. До утра не сомкнул глаз: подпирал балки чем придётся, прислушивался к каждому скрипу.

Утром осмотрел разрушение при свете. Не только смола раскисла на шипах — часть жердей оказалась гнилой изнут-

ри, просто я этого не увидел, когда ташил их со склона. Спешил, сэкономил время, а вышло — себе дороже.

Тогда и решил: сам, второпях и в одиночку, я везде гнильцо не разгляжу. Нужны лишние глаза и руки — кто-то, кто разбирается в дереве лучше меня. На следующий день пошёл в деревню договариваться о помощи. Через старейшину и нашлись те трое, что потом во многом мне и пригодились — Ждан, Пахом и молчаливый Тихон. Первое, что они сделали, придя на двор, — обстучали каждую уцелевшую жердь обратной стороной топора, отбраковывая трухлявые. Пахом тогда хмыкнул: “Дерево слушать надо, кузнец. Оно само скажет, гнилое или нет.”

А крышу решил больше не латать — делать черепицу, тяжелее, зато не зависит ни от смолы, ни от того, кто и как собирал жерди.

Ещё пару раз ходил на каменный холм, Милана предупредила:

— Старейшина недоволен, что ты ходишь на холм.

— Откуда он знает? — удивился я.

— Здесь все всё знают и видят — ответила она.

Я решил пока туда не ходить. Тем более что бесполезно, разочаровался. Столько раз ходил и ни разу не сработало. Может с Миланой о магии поговорить? С ней кстати отношения налаживались, очень ей понравилась рыба горячего копчения, у них такой технологии нет. Вялят, коптят над очагом, когда заготавливают на зиму, но вкус совсем другой. А тут

приносит хлеба и репы, а сама нападает на копчёную рыбу, и ещё говорить успевает. Про соседей, про отца, про братьев и сестер, готовый блок новостей. Если раньше держалась настороженно, то сейчас раскрылась, и мало отличается от моих современниц. Разве что уважение к старшим больше.

Ещё узнал, что ей четырнадцать, просто мелкая, да и очень худая. И иногда поглядывала оценивающе. Что странно.

Ещё между делом сообщила, что я стал своим и мне можно в деревню заходить. Все же борода сработала.

И вот у меня появились трое помощников. Глина, кирпич, древесный уголь, все грубые работы на них. Кроме этого, принесли посуду, так что еда стала разнообразнее. Всё-таки соскучился по супу. На камне его не приготовить.

Костер догорал, угли светились красным. Ждан подобростил хворосту, огонь лизнул сухие ветки, затрещал.

— Тихо сегодня, — сказал Пахом. — Даже волки не воют.

— К добру ли? — спросил Ждан.

— К худу обычно, — ответил Пахом. — Когда тихо — значит, кто-то уже есть. Зверь чует, молчит.

Тихон сидел, смотрел в огонь, молчал. Как всегда.

Я грел руки, слушал. День был тяжёлый, с керамикой не задалось, много брака. Завтра нужно что-то менять в смеси, переделывать печь.

— А правда, — вдруг спросил Ждан, — что ты на холм тот лазишь? Где молнии бьют?

Я посмотрел на него. Он отвёл глаза.

— Лазю, — сказал я. — И что?

— Да так, — пожал он плечами. — Место там нехорошее.

У нас туда не ходят.

— Слышал уже.

— Мало ли, — сказал Ждан. — Вдруг не слышал про Кузьму.

Пахом поднял голову. Тихон тоже — медленно, как зверь, который услышал опасность.

— Какого Кузьму? — спросил Пахом.

— Ну, моего дядьку, — сказал Ждан. — Который в прошлом годе пропал.

— Твой дядька в лесу пропал, — сказал Пахом. — На охоте.

— На охоте, — согласился Ждан. — Только он на тот холм ходил. Перед тем.

Повисла тишина. Даже огонь, казалось, стих.

— Откуда знаешь? — спросил я.

Ждан замялся. Поковырял палкой угли.

— Он мне говорил. Перед тем, как уйти. Сказал: пойду посмотрю, что там за место. Мол, говорят, там клады светятся после молний. Может, найду чего.

— И нашёл?

— Не знаю, — Ждан поднял глаза. — Он не вернулся. Искали его, три дня ходили. Ни следа. Будто земля съела.

— Дураков всегда земля ест, — сказал он жёстко. — Кто

за кладами ходит, тот и пропадает.

— Я не за кладами, — сказал я.

— А ты зачем?

Я молчал. Не рассказывать же им про молнию, про купол, про то, что я вообще не отсюда.

— Интересно, — сказал я. — Просто интересно.

Пахом посмотрел на меня долго. Огонь плясал в его глазах.

— Ты, лыцарь, парень хороший, — сказал он. — Мы к тебе привыкли. Даже больше скажу — мы тебя за своего считаем. Но ты не лезь туда. Ладно?

— Почему?

— Потому что у нас тут и так людей мало. Ты нас кормишь, мы работаем. Если ты пропадёшь — мы обратно впроголодь.

Ждан закивал.

— Пахом правильно говорит. Ты нам нужен. А холм тот — пусть стоит.

Тихон молчал. Но смотрел на меня — и во взгляде было то же самое. Не страх. Просьба.

Я вздохнул.

— Ладно, — сказал я. — Обещаю: один туда больше не пойду.

— А с кем? — насторожился Ждан.

— Если пойду — вас возьму. Чтоб не пропадать поодиночке.

Ждан побледнел.

— А зачем нам туда?

— А затем, что, если там что-то есть, — сказал я, — лучше знать. А если нет — так хоть посмотрим.

Пахом усмехнулся.

— Хитрый ты. Мы тебя уговариваем не ходить, а ты нас с собой зовёшь.

— Вместе не страшно, — сказал я. — Или страшно?

Они переглянулись.

— Ладно, — сказал Пахом. — Если пойдёшь — скажешь. Подумаем.

Тихон кивнул. Один раз. Твёрдо.

— А про Кузьму, — сказал я Ждану. — Ты молодец, что рассказал.

Он пожал плечами.

— А чего молчать? Ты свой. И если что — я хочу знать, где он. Может, там и лежит до сих пор.

— Может, и лежит, — согласился я.

Мы сидели у костра, смотрели на огонь. За забором ухала сова. Где-то далеко, в степи, были волки. А здесь, рядом, было тепло и спокойно.

Но я думал о холме. И о том, что, может быть, не один я туда ходил.

Тем временем копил новые кирпичи. Второй обжиг сделал по-другому: угля больше, воздух распределён лучше. Глина увлекла меня. Пока тащил и прятал подсушенные

кирпичи от дождя, печь стала похожа на мастерскую: с одной стороны — стопки кирпича, с другой — заготовки гончарных изделий. Сделал половник из глины, пару больших ложек для мешания. Деревянные ложки оказались неудобны: жир въедается, отмыть тяжело, да и древесина давала привкус. Керамика лишена этого недостатка. Скрутил один большой котёл, три средних и несколько мелких — десяток, может чуть больше. Всё это разместил в печи на обжиг. По поводу глазури, решил не мудрить и смешать высушенный щелок, белый песок и немного синей глины. Все горшки аккуратно раскрасил будущей эмалью. У себя я много читал про глазурь, эмаль, стекло, изготовление, нанесение, оружие и доспехи иногда заказывали парадные либо как украшение, создание антуража. Приходилось соответствовать. И здесь пригодилось.

— А это чего? — Ждан ткнул пальцем в крынку, ещё тёплую после обжига.

— Глазурь, — сказал я. — Как слюда.

— Так слюда же прозрачная, — удивился он. — А это зелёное.

— А вон там синее, а вон там почти белое, а вот ещё, жёлтое, и красное.

Он посмотрел на меня с подозрением.

— И как так-то?

— Которая зелёная и синяя с медью, а жёлтая и красная с железом, наверное, так.

— Медь — это деньги? Ты деньги в горшки кладёшь?
Я вздохнул.

— Не деньги. Просто металлы. Примеси. Они цвет дают.
Ждан покрутил крынку, поцокал языком.

— А у нас так никто не умеет, — сказал он. — У нас горшки простые, серые. А у тебя — как у князя в тереме.

— У князя византийское стекло, — сказал я. — Дорогое.
А это так, дешёвка.

— Дешёвка, — повторил он. — А бабы всё равно хотят.
Он помолчал, потом спросил:

— А научишь?

— Чему?

— Ну... этому. Слюду варить.

Я посмотрел на него. Ждан — болтун, каких свет не видел, но руки у него золотые. Если захочет — научится.

— Научу, — сказал я. — Только молчать надо будет. Про то, что видишь.

Он обиделся.

— Я всегда молчу, когда надо.

— Ты никогда не молчишь.

— Ну... когда очень надо — молчу.

Я усмехнулся.

— Ладно. Смотри. Сначала песок...

Через час он уже сыпал песок в тигель и бормотал под нос:

— Песок, зола, немного меди... Песок, зола, немного меди... А соль? Ты говорил, соль нужна?

— Нужна.

— А я забыл. Песок, зола, соль, медь... Песок, зола, соль, медь...

Он повторял как заклинание. Для него это и было заклинание. Набор слов, которые надо произнести в правильном порядке, чтобы получилось чудо.

Гончарный круг получился простым и примитивным. Поставил его у реки, чтобы крутить ногами. Только монотонная, ритмичная работа. Большой котёл вышел тяжёлым и почти ровным, но меня устраивал. Малые вещи — ложки, чашки, крынки, кружки — получались лучше. Сделал пару керамических ножей. Керамический нож не универсален, но для хлеба и мягкой еды годится. Половина печи заняли глиняная посуда, другая — кирпич. Смотрел, как изделия ведут себя в жаре: мелкая посуда почти вся сохранилась, а крупные формы трескались или проседали. Значит, крупные сосуды требуют другой техники сушки и обжига. Запомню этот урок.

Теперь можно было строить печь.

Русская печь — дело тонкое. Никакого цемента, только песок, глина, известь. Пришлось пробовать, переставлять, менять тягу.

Первый протоп дал дым, самодельная кирпичная труба выдержала. Сделал желоб, чтобы дождевая вода не размывала швы.

И тут сломался нож. Старый, перочинный, который служил мне бесчисленное число раз, и который я бесчисленное

число раз точил. На деревянной заготовке хрустнул и отвалился от ручки. Да, ручка отдельно, лезвие отдельно, хорошо он послужил. Но выкидывать не буду. Лезвие поставил как наконечник, усовершенствовал копье.

Керамический нож был, но на всё не годился. Хотел купить нож у деревенских, но тут сплошное огорчение. Нет ни лишних, ни на продажу, их вообще почти нет. Сказали, что если нужен нож, то нужно ехать в город. Проще сделать самому. Значит, нужно искать железо, делать меха. По поводу мехов решил поговорить в деревне, на бересте нарисовал схему, взял заячьи шкуры и отправился в путь. На входе охранники объяснили куда идти, но мог бы и сам определиться, по запаху. На скамейке перед домом сидел старик, с седой бородой, но ещё крепкий на вид, к которому я и подошёл.

Старый кожевник, увидев мои шкуры и рисунок-схему начал водить пальцами и расспрашивать:

— А это что, а это как, а это зачем.

Одним словом профессионал. Потом притащили кусок кожи, и я на ней показал, что мне нужно, и как я хочу, чтобы это работало. Но что он знал четко, так это что он с меня хочет взять. Три зайца. Я в начале указал что кожу я принес свою, и работы не так и много, что сбило цену в начале до двух, а потом и до одного копченого зайца. Но и этим он был вполне доволен.

Но дело не только в этом — еще нужна была руда. Милана сказала, где здесь есть болото, а я знал, что иногда там на-

ходят болотную железную руду. Пошёл туда. Всего-то часа три пути.

Ходил долго. Нашёл металлические разводы на воде. Выколачивал ил жердиной. Нашёл несколько кусков — размером с кулак. Получилось слишком мало. Подумал, что нужно искать больше руды. Желательно небольшое месторождение.

Наступил день, когда я отправился дальше, за реку, в сторону степи. И увидел то, что не забуду. Ничто не предвещало проблемам, решил обследовать небольшой холм, до него оставалось километра три, но меня привлек шум.

На опушке сошлись две группы всадников. Одних было около тридцати, других — около пятидесяти. Смуглые лица, кожаные одежды, металлические бляхи. Кочевники.

Сзади малой группы на белой лошади в каком-то ярком одеянии сидела женщина. Всадники громко спорили, иногда слышался высокий женский голос. Спор перешёл в ссору, затем полетели стрелы. Потом сошлись в копейный сшибке, потом в ход пошли сабли. Из боя выбегали лошади без наездников, им не нравились крики, не нравился запах крови. Это ведь бой людей, а не лошадей.

Женщина стреляла метко — стрелы одна за другой поражали врагов. Но её защитники пали. Семеро противников осталось. Пятеро добивали раненых, двое подъехали к ней.

Один упёр копьё ей в грудь. Другой ударил древком по голове, не дал упасть, схватил её за волосы и положил поперек лошади, перед собой. Видеть такое было противно — даже

здесь, где жестокость привычна, такое обращение с женщиной казалось за гранью. А ещё, глядя на нее меня что-то зацепило.

Я встал за деревом. Стрелы расположил одну как обычно, а вторая между средним пальцем и указательным, в результате интервала между выстрелами почти не было. У меня были бронебойные наконечники — не для людей, для дичи — кабанов и волков, ногодились.

Первой пристрелочной стрелой попал в лошадь, та закричала, сделал поправку, второй стрелой сбил всадника. Ещё выстрел и второй всадник скрючился на лошади и через секунду упал. Кочевник, что захватил женщину быстро определил откуда летят стрелы и послал двоих своих людей ко мне. Двое поехали, ускоряясь и прикрываясь щитами.

Один получил стрелу в ногу, на секунду опустил щит и затем ещё одну в лицо. Второй отвлекся на крик своего товарища, вылез из-под щита, оглянулся и получил стрелу в горло. Почти доехал до меня, но метрах в семи все же упал.

Остальные трое кинулись в атаку.

Одного убил сразу, он был без щита, получил две стрелы в грудь и упал, не проехав и половину, второй две отбил щитом, а третья попала на всю длину в бедро, подскоки слишком близко ко мне и метнул копье, я увернулся. Потом отбил выше копьем его щит и несколько раз ткнул его в корпус. Копье с металлическим наконечником от сломанного ножа пробило кожаные доспехи как бумажные. Этот воин

двигался как-то заторможенно, может шок от ранения, а может устал от предыдущего боя.

Потом отбил копьем копейный удар, последний из степняков проскочил мимо.

Он развернулся и что-то крича, ринулся опять в атаку. Этот был или самым сильным или самым свежим, выглядел как парень лет 20, в хорошей броне. Находился за строем своих бойцов во время боя, и сейчас ехал последним. Он приостановил лошадь, попытался ударить копьем, я отвёл копьё в сторону, и обратным ходом попытался достать его шею, но он увернулся, и удар пришелся на шею лошади. Хлынула кровь, лошадь захрипела, дернулась и упала, придавив и наездника, и женщину. Я подскочил, первые удары он отвел кинжалом, но потом пропустил один, второй, несколько быстрых уколов, и всё кончено. Вдохнул с облегчением, получилось. Не думал, что это будет так бодрить. С волками и кабанами тоже бодрит, но не так, а неделю назад даже охота на зайцев возбуждала. Присел, немного отдышался, и подумал, а ведь ввязался в эту драку, даже не думая о результате. Обычно очень аккуратный и осторожный, мог и просто побыть свидетелем, и спокойно и незаметно уйти. Кажется, этот мир действует на меня сильнее сам я думал. Но хватит рефлексировать, пора работать. Потом спину прострелило болью, длинная царапина поперек спины кровоточила и жгла от выступившего пота, все же достали, а я и не заметил в горячке боя. Как мог, перевязал.

Собрал тридцать две лошади. Примерно столько же лежало мёртвыми — их туши позже нужно будет забрать. Больше десятка разбежалось, какие-то получили мелкие раны, запах крови лошадям тоже не нравятся.

Подошёл к женщине. Когда-то красивая, яркая одежда что сейчас превратилась в грязные лохмотья. Но несмотря на это выглядит привлекательно. Лицо скорее европейское, смуглая кожа, на лице брызги крови и разводы грязи, потёки слез и тонкая струйка крови через лоб к носу, на теле кровь, грязь, синяки. Но жива. Ее я здесь не брошу. Кроме этого, начал собирать и увязывать оружие, снимать доспехи, потрошить сумки. Любопытно, что у этих семерых было шесть луков, но ни одной стрелы, иначе наш бой закончился бы скорее всего по-другому. Из ценного нашёл около 12 кг серебра и около полкилограмма золота, в монетах и украшениях.

До вечера я домой добрался. Лошади, как ни странно, бежали за теми, которых я вёл с поклажей. Пересчитал, дошли тридцать одна лошадь. Уже неплохо. Возле дома всё-таки запах дыма. Может быть, волки и не полезут. Кроме этого, лошади и сами могут отбиться в случае необходимости. Женщину оттащил в дом, осмотрел. Увидел, что ранок на ней больше. Пришлось раздевать, осмотреть и перевязать. Траву пережевал, сделал кашницей — для тех ран, которые были на теле, а там были две глубокие царапины и одна глубокая рана на плече. Видимо, ещё и по голове её хорошо приложили. Там пришлось срезать волосы. Аккуратно приложил такую

же кашлицу, положил на кусок старой кожи и укрыл куском кожи шерстью наружу. Замёрзнуть не сможет, а если вдруг обгадится — легко смыть. Буквально провалился в сон после такого насыщенного дня.

На утро женщина так и не проснулась. Или не очнулась — не знаю, как назвать ее состояние. Напоил водой, глотала нормально. Сходила под себя, пришлось слегка обмыть. Тело сложено пропорционально, скорее даже спортивно, небольшая грудь, несколько старых шрамов. Видимо не домашняя девочка. Но дела не ждут, началась работа, что запланировано вчера. Оседлал одну из лошадей и быстро направился в ту сторону, где были вчерашние события. Почему-то даже в голову не пришло взять кого-то из деревни.

Когда начал подъезжать увидел двух медведей, которые копались среди трупов.

Лук был с собой, и такое опасное соседство мне не понравилось. Первый медведь получил две стрелы, дернулся и упал. Второй что-то заподозрил, особенно после первой стрелы в бок. Сделал три прыжка, а потом зачем-то встал на задние лапы, где и получил стрелу в глаз. На этом конкуренты закончились. Вернее, перешли в разряд добычи.

И вот к лошади привязал две жерди и получились простые волокуши. Первый раз увёз три туши лошадей, потом повязал друг за другом пять лошадей и увез пятнадцать туш. Ещё один рейс, последний. К моим караванам пробивались ещё лошади, видимо, искали табун. Увидел охотника, что с удив-

лением рассматривал мой последний караван, сказал, чтобы тот рассказал в деревне, где был бой, через час увидел, как в ту сторону двигается около десятка мужчин — видимо, не верят, что там было сражение, или думают, что я не всё забрал.

Аккуратно снимали шкуры, обрабатывали травой, скатывали и закидывали в воду — так они не успеют испортиться и задубеть. Мясо резали небольшими кусками и там, где раньше была гончарная печь, где обжигал кирпичи, раскладывали и развешивали всё это. Перед самым дымоходом развесил мясо медведей слышал, что у них много паразитов. В конце затопил печь и обработал горячим дымом в течение трех часов, чтобы обеззаразить, потом снизил температуру — пусть коптится.

Всё железо спрятал в погреб, я его только начал копать, но яма уже хорошая, поэтому всё свалил туда и занялся шкурами. Щёлок уже был готов — золу не выкидывал, начал обрабатывать шкуры. Процесс медленный: щёлок подержать, убирать внутренний слой жира и мезги. Первоначальную обработку сделали, на следующий день отвез шкуры как лошадиные, так и две медвежьи, к кожевнику. Тот посмотрел, сказал, что шкуры почти испорчены, но он их спасёт. Хотя в глазах я заметил хитринку. Спросил, что за работу, тот сообщил что заберёт треть шкур, но я настоял, что медвежьи в это число не входят. Его домочадцы забежали по его поручениям, принести травы, воду и прочее. Он передал мне го-

товые мехи, объяснил, как их обслуживать. Я смазал их животным жиром и отвез домой, подвесив в сарае.

Старейшина пришёл сам. Я даже не успел к нему пойти — он уже стоял у ворот, опирался на клюку, щурился на лошадей, которых я загонял во двор. Глаза у него были такие, будто он каждую лошадь уже зарезал, разделал и продал.

— Богато нынче наловил, — сказал он вместо приветствия.

— Наловил, — согласился я. — Помощь нужна. Сами не управимся. И телеги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.